

1. Balatukova, Z. I. Rol' hudozhestvennoj literatury v vospitanii mladogo pokolenija / Z. I. Balatukova // Molodoy uchenyj, – 2015. – № 15. – P. 661–663.
2. Kucenko ,N. Ju. Rol' klassicheskoj hudozhestvennoj literatury v formirovanii mirovozzrenija lichnosti / N. Ju. Kucenko // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. – 2011. – № 3. – P. 8–27.
3. Shishova, E. O. Psihologija lichnosti: Konspekt lekcij / E. O. Shishova. – Kazan', 2014. – 75 p.

БРЮГГЕ КАК ГОРОД-МИФ В РОМАНЕ Ж. СИНУЭ «МАЛЬЧИК ИЗ БРЮГГЕ»

Л. В. Купцова

*Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород)
Науч. рук. – Ю. А. Маринина, канд. филол. наук, доцент*

Аннотация. В статье рассмотрены разные подходы к изображению города в литературе, проанализирован образ Брюгге как город-миф в романе Ж. Синуэ «Мальчик из Брюгге». В работе раскрыты основные мотивы, связанные с образом Брюгге в данном произведении, выявлена связь между функционированием Брюгге в романе и сюжетом.

Ключевые слова: Брюгге; город-миф; городское пространство; мотив смерти; мифологизация пространства.

Образ Брюгге достаточно часто используется как в современной литературе, так и литературе прошлых веков. Данный город обладает таинственной атмосферой старины и покоя, а частые дожди дополняют мрачное величие Брюгге серыми тонами и задумчивым, меланхоличным настроением.

Функционирование городского пространства в литературе привлекает внимание исследователей. Ю. М. Лотман утверждал, что город «представляет собой котёл текстов и кодов разноустроенных и гетерогенных...» [3, с. 282]. На базе данного определения возникли разные подходы к изображению города и классификации его образа на основе мифов.

Л. Н. Набилкина выделяет гуманистический и дегуманизированный подход к изображению города, основываясь на авторской оценке городского пространства. В романе Ж. Синуэ «Мальчик из Брюгге» (1999 г.) был выявлен дегуманизированный подход в изображении Брюгге. На это указывают мотивы смерти и одиночества, которые содержатся в описании пространства Брюгге. Воды города таят в себе страшные секреты, они влекут к себе людей, обещая им вечное спокойствие. В романе описывается легенда о Минне, «покончившей

с собой от тоски; её труп — согласно легенде — покоился под водами Минневатера» [8, с. 25]. Городская ярмарка, событие шумное и веселое, описано в романе также через призму одиночества, причём одинок как герой, так и город: «С поникшими плечами Ян продолжал идти прямо вдоль Бурга, почерневшего от множества людей» [8, с. 25]. Один из главных героев, Идельсбад, напрямую говорит: «Смерть бродит по Брюгге!» [8, с. 17].

Мотив бегства из города отражает его угнетающую атмосферу, несмотря на то, что внешне город выглядит оживлённым. Из Брюгге героям хочется уехать в другие страны, которые являются «выходом на свободу, подальше от облачного неба и дождей, плоской, как доска, иконы, к заливу, досыта напоенному солнцем...» [8, с. 7]. Несильное возвращение в Брюгге, невозможность выезда за его пределы — всё это делает образ города схожим с образом темницы, заточения. Автор не концентрирует внимание на великолепии старинной архитектуры города, а наоборот описывает её «приземлённо», соблюдая лишь топонимическую точность. Таким образом, в описании образа Брюгге лежит дегуманизированный подход.

Исследование города на основе классификации Ю. М. Лотмана, который делит города по принципу близости с природой, выделяя концентрические и эксцентрические типы, показало, что Брюгге относится к концентрическим городам, так как является естественным и «вечным». Первый параметр виден во взаимоотношениях природы и Брюгге: на одном пространстве они уживаются мирно, дополняя друг друга. «Вечность» города формируется за счёт отражающей и «запоминающей» функций вод Брюгге. Булочник рассказывает Яну о событиях прошлого: «Вот чем была «Брюггская заутреня»! Земля и каналы до сих пор помнят об этом...» [8, с. 31]. Так воды города «вбирают» в себя события истории и хранят их, ввиду чего Брюгге умереть не может.

Н. Е. Меднис основала классификацию городов по гендерному признаку. Анализ Брюгге по данной классификации позволяет отнести его к городам женского начала, так как помимо того, что в романе описано мирное сосуществование города со стихией, историю Брюгге, которая прослеживается вплоть до III века, можно считать длинной и богатой, что присуще городам женского типа. Однако здесь город проявляет своё противоречие: женское начало зиждется на космогонических мифах, а образ Брюгге со своей тяжелой, давящей атмосферой, всеобщим равнодушием и мотивом смерти строится скорее на эсхатологических мифах.

Неоднозначно ведёт себя образ Брюгге и в классификации В. Н. Топорова, который делит города на «дев» и «блудниц», так как на фоне описаний строгого монастыря разворачивается масштабная ярмарка с её бытовыми интересами, она вносит в город шум и суету. Таким образом, проявляется двойственность и противоречие Брюгге: высокая религиозность уживается с мирской суетой и страшными убийствами. Ввиду этого справедливо будет отнести Брюгге

к «городам-блудницам», так как города «праведного» типа характеризуются гармонией, умиротворением и спокойствием. В романе же описание Брюгге максимально отдалается от этого образа: «Большой суконный рынок *зудел от тысяч голосов*, а в ратуше Ван дер Берзе, «бирже», проходили аукционы» [8, с. 25].

Классификация городов Н. А. Беловой, которая делит их на столицы и провинции, не оставляет сомнений, что Брюгге относится к первому типу, так как он в романе является экономическим и культурным центром «севера»: «Они (торговцы) не действовали в одиночку, каждый принадлежал либо к *могущественной Ганзе Брюгге*, либо к менее престижной Тевтонской Ганзе» [8, с. 25]. Ярмарка, материальное благополучие, знаменитые художники, суета – всё это характерно для образа города-столицы.

Сложно анализировать Брюгге по внутреннему и внешнему образу, как предлагает В. Л. Алексеева, так как возникает неоднозначность. Брюгге мы можем полноценно проанализировать только с точки зрения его жителей (то есть с внутренней позиции), внешний же образ нам не доступен в силу отсутствия взгляда «гостей» на Брюгге. В итоге создать объективное представление о городе не получается. Внутренний образ города характеризует Брюгге как угрюмый, нелюдимый, мрачный город, над которым нависло «*ненадёжное небо*» [8, с. 11].

Важным при анализе образа Брюгге является контраст его с другими городами. Так, Гент описывается внешне спокойным, однако мятежным внутри: «Спрятавшись за фортификационными сооружениями, омываемыми *спокойными водами* реки Лис, город, казалось, дышал избытком и безмятежностью, но за этой *маской* скрывался бунтарский, неукротимый дух» [8, с. 12]. Брюгге же мы видим, напротив, шумным и суетливым на первый взгляд и одиноким, таинственным, в сущности. Контраст в образе городов подтверждает нам фраза Ван Эйка: «Ты не забыл, что завтра на рассвете мы уезжаем в Гент? *Надеюсь, дышится там легче...*» [8, с. 12].

Образ Венеции построен также на антитезе с Брюгге. Солнечная, яркая Венеция противопоставляется суровому, пасмурному Брюгге по атмосфере. Когда главный герой, Ян, приехал в Венецию, «*Лучезарное солнце сияло над городом*» [8, с. 61]. Значима фраза Яна при размышлениях его об отъезде из Брюгге: «*Венеция — это единственное место на земле, где я буду счастлив*» [8, с. 37]. Яркий контраст этих городов позволяет проводить параллель: Венеция – жизнь, Брюгге – смерть. Подобные сравнения Брюгге с другими городами позволяет подчеркнуть его суровые, таинственные черты.

Таким образом, можно сделать вывод, что в основе образа Брюгге как города-мифа в романе Ж. Синуэ «Мальчик из Брюгге» лежат эсхатологические мифы. Это объясняет атмосферу мрака и одиночества Брюгге, которые порождают ощущение безысходности. Мотив смерти – определяющий в образе данного города.

Здесь нельзя не провести параллель с образом Брюгге в романе Ж. Роденбаха «Мёртвый Брюгге» (1892), где основной мотив уже вынесен в заглавие текста и с него начинается произведение: «*День умирал, наполняя мраком коридоры огромного безмолвного дома...*» [7, с. 1]. Ж. Роденбах, как и Ж. Синуэ, наделяет умертвляющей силой воды Брюгге, которые провоцируют главного героя, Гюга Виана, на убийство: «Мёртвый Брюгге сам был положен в гробницу из каменных набережных, с похолодевшими артериями его каналов, когда перестало в нём биться великое сердце моря» [7, с. 7]. Стоит отметить и мотив одиночества, который также свойственен образу Брюгге в романе Роденбаха. Город в романе нелюдим, поэтому он привлекает тех, кто избегает общества: «Он (Гюг Виан) любил блуждать в сумерки, *находить сходство между своим трауром и одинокими каналами или частями города, где много монастырей*» [7, с. 3].

На основе сходств мотивов и подходов в описании Брюгге у разных авторов можно проследить тенденцию в создании образа данного города, который строится на мифах о конце света. Образ Брюгге характеризуется лейтмотивами смерти и одиночества, что придаёт ему мрачность и таинственность. Мифологизация вод города также призвана подчеркнуть такие качества Брюгге, как отрешенность, опасность и обреченность.

Литература

1. Алексеева, В. Л. Образ города в культурном сознании / В. Л. Алексеева // Университетская площадь: альманах. – 2010. – № 3. – С. 174–176.
2. Белова, Н. А. Концепт “город” в современном литературоведении / Н. А. Белова // Вестник Югорского государственного университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 87–91.
3. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2010. – 704 с.
4. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3-х т. – Т. 2. – Таллин, 1992. – 480 с.
5. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск, 2003. – 170 с.
6. Набилкина, Л. Н. Образ города в мировой литературе / Л. Н. Набилкина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – Вып. 3. – С. 1–3.
7. Роденбах, Ж. Мёртвый Брюгге / Ж. Роденбах. – Томск : Водолей, 1999. – 704 с.
8. Синуэ, Ж. Мальчик из Брюгге / Ж. Синуэ. – М. : АСТ, 2005. – 320 с.

9. Топоров, В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 121–132.

ГОСПОДИН ГОЛЯДКИН И ШИЗОФРЕНИЯ

П. Лекеш

*Университет им. Константина Философа в Нитре (Нитра)
Науч. рук. – Н. Муранска, канд. филол. наук, профессор*

Аннотация. В статье используется психологический подход при анализе произведения Ф. М. Достоевского «Двойник». Особое внимание уделено психологическим знаниям о шизофрении, на основе которых проведен анализ текста и представлены результаты исследования. Анализ конкретных отрывков произведения позволяет рассматривать проблему шизофрении у главного героя – господина Голядкина – наиболее подробно. Результаты данного исследования показывают, что Ф. М. Достоевский уже в XIX веке описал явления, охарактеризованные современной наукой, в частности, диагноз шизофрении.

Ключевые слова: русская литература; Ф. М. Достоевский; «Двойник»; шизофрения.

Ф. М. Достоевский в своей повести «Двойник» предлагает в качестве основной катализатора шизофренического состояния главного героя – господина Голядкина – его двойника.

Чешский психиатр Чешкова выделяет несколько основных симптомов шизофрении: бред, галлюцинации, нарушение восприятия реальности, расстройство речи и поведения и т. д. В то же время подобное определение дают и неспециалисты в области психиатрии: шизофреники имеют странные мысли, они видят и слышат несуществующих людей и вещи, которых нет в реальном мире. Кроме того, речь и поведение таких людей для их окружения непонятны [3, с. 181–184]. В повести Ф. М. Достоевского «Двойник» проявление шизофрении впервые наблюдаем в тот момент, когда Голядкин чувствует себя неуверенно при первой встрече со своим двойником: *«...хотел закричать, но не мог, – протестовать каким-нибудь образом, но сил не хватило. Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса. Господин Голядкин совершенно узнал своего ночного приятеля. Ночной приятель его был не кто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях...»* [1, с. 143]. Данный случай можно считать начальным этапом появления галлюцинаций. Голядкина поражала абсолютная схожесть